

В. Г. Вовина-Лебедева

«ГЕТТИНГЕНСКАЯ МЕТОДА» ИЛИ ПРАЖСКАЯ ШКОЛА? (К ВОПРОСУ О А.-Л. ШЛЕЦЕРЕ И ЙОЗЕФЕ ДОБРОВСКОМ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЯХ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ)*

Лучшим знатоком русских летописей в Петербургской Академии наук середины XVIII в. был, несомненно, Г.-Ф. Миллер. Но его подход к их изучению и использованию не представлял ничего кардинально нового по сравнению с подходом, например, В. Н. Татищева. Между тем как в немецких землях, так и в австрийских владениях наука об изучении древних текстов находилась в это время в расцвете. Однако Миллер покинул родину еще в 1725 г. и много лет провел в России в отрыве от европейской науки. В результате он отстал от нее, как писал А.-Л. Шлецер, на тридцать лет, хотя до этого «вероятно... приобрел хорошие основания особенно в классической литературе у своего отца, ректора в Герфорде»¹. Сразу заметим это обстоятельство: с точки зрения Шлецера качеством, обязательным для критики текста, было знание классики.

Но для Миллера, как и для Татищева, летопись еще не представляла интереса собственно как текст, то есть то, что имеет самостоятельное значение, прежде всего филологическое, вне прямой зависимости от содержания. Миллер не оставил в Академии наук серьезных учеников и продолжателей, которые внесли бы свой вклад в изучение летописания, хотя это произошло, вероятно, не столько из-за несоответствия его как ученого уровню передовой науки его времени, сколько оттого, что научных школ в европейском понимании в России тогда вообще еще не было.

* Сознвая, что принимаемся за тему трудную и большую, просим рассматривать данную статью лишь как первый подход к теме. Затронем здесь лишь отдельные ее стороны и обязуемся вернуться к проблеме в книге по истории изучения летописания в XIX–XX вв.

¹ Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлепера, им самим описанная // Сборник Отделения русского языка и литературы. Т. 13. 1875. С. 30.

А.-Л. Шлецер, весьма скептически отозвавшийся не только об учености Миллера, но и вообще о «методе ... с какою обращались в Петербурге со всеми литературными предметами» и каковую он назвал «даже более поверхностной, чем поверхностная французская метода»², безусловно, имел к этому все основания. За его спиной, когда он принимался за изучение древних русских летописей, прежде всего «Нестора», то есть «Повести временных лет», стояла, прежде всего, немецкая традиция критики Священного Писания, «основательная метода», которая, по его собственному определению, разрабатывалась именно в Геттингенском университете³.

Шлецер был первым, кто подошел к русским летописям как лингвист и текстолог, прошедший школу классической критики текста, владеющий навыками подобного анализа, имеющим основательные познания в языкознании, которое в то время уже воспринималось как важнейший инструмент для изучения древних текстов. Итогом работы над текстами летописей с применением этой «основательной метод»⁴ явился первоначально труд, написанный сразу после возвращения из России⁴, а затем уже после многих лет работы над этой темой в Геттингене — знаменитый «Нестор»⁵. Нельзя не согласиться с А. Л. Шапиро, писавшим, что «Нестор» был «первым в русской исторической науке капитальным источниковедческим трудом», хотя он и был написан на немецком языке⁶.

У Шлецера впервые вопрос о возможности использовать летопись как источник фактов был связан с вопросом о происхождении ее текста. На первый план была выдвинута задача воссоздания первоначального текста древнейшей русской летописи. Как и для его предшественников, для Шлецера только первоначальный текст представлял интерес. Но он понимал необходимость привлечения для его реконструкции всех доступных списков. «Правило, чем старее, тем лучше, не есть общее в классической критике, а и того менее в русской», — писал немецкий ученый в предисловии к «Нестору».

Следуя этому положению, он находил «настоящее» чтение в одном каком-нибудь «чювом» списке, который принадлежал «к дурнейшим» и был «перепорчен грубым образом». Тем не менее там обнаруживалось «одно чрезвычайно важное происшествие», исчезнувшее из древних списков⁷. Шлецер исходил из понимания всего русского летописания как единой системы, изучая поздние звенья которой, можно постепенно добраться до исходного звена. В каждом списке отразились различные этапы порчи первоначального текста.

Поэтому первой и важнейшей задачей, по Шлецеру, была задача «очистки Нестора». Он называл ее «малой критикой». Вторая половина XVIII в. познала настоящий издательский бум, связанный с обнаружением и публикацией списков русских летописей. Во время непродолжительного (в течение нескольких лет) пребывания в России Шлецер стоял у его истоков, а затем, продолжив работу в Германии, мог воспользоваться его результатами⁸.

² Там же. С. 63–64.

³ См.: Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. Курс лекций. Л., 1982. С. 217–224.

⁴ Schlozer A.-L. Prober Russischer Annalen. Bremen; Göttingen, 1768.

⁵ Schlozer A.-L. Russische Annalen in ihrer slavonischen Grund-Sprache Verglichen. Vol. 1–5. Göttingen, 1802–1809. Русский перевод: Шлецер А.-Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлецером / Пер. Д. Языкова. Ч. 1. СПб., 1809; Ч. 2. СПб., 1816; Ч. 3. СПб., 1819.

⁶ Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен ... С. 219.

⁷ Шлецер А.-Л. Нестор... С. XIV.

⁸ Первым полным изданием русской летописи было издание Радзивилловской летописи, осуществленное И. С. Барковым. См.: Летопись Несторова с продолжениями по Кенигсбергскому списку до 1206 года. СПб., 1767. — Одновременно Шлецер начал издание Никоновской летописи, продолженное после его отъезда из России С. Башиловым. См.: Русская летопись по Никонову списку. Изданная под смотрением имп. Академии наук. Ч. 1, до 1094 года. СПб., 1767. — В предисловии Шлецер поместил описание рукописи, а также изложил и весь план издания.

В течение тридцати последующих лет были изданы почти все известные тогда тексты. В Петербурге центром их издания была Академия наук, в Москве — Московский университет и Синодальная типография. Ко времени написания «Нестора» в Петербурге вышли в свет кроме Радзивилловской и Никоновской летописей (к изданию последней Шлецер имел прямое отношение) отдельные тома Лицевого летописного свода, Академический список Новгородской первой летописи, несколько редакций Сибирского летописного свода. Львовская, Воскресенская, Софийская первая летописи. В Москве в это время был опубликован Синодальный список Новгородской первой летописи, Типографская летопись, Летопись о многих мятежах, Степенная книга, Двинской и Архангелогородский летописцы, Нижегородский летописец, Русский временник, началось издание «Истории Российской» В. Н. Татищева.

В предисловии к «Нестору» Шлецер писал, что использовал тринадцать рукописных и опубликованных списков летописей, причем, признавался, что девять неопубликованных списков видел тридцать пять лет назад, то есть, во время пребывания в России. Правда, он не сомневался, что не ошибается не только в цитировании целых отрывков текста, но даже и в буквах⁹.

Списки летописей, которые легли в основу исследования, Шлецер сначала первоначально соответствующим образом подготовил. Были разработаны специальные приемы: тексты разделены на «сегменты». Каждый был переписан три раза на трех разных листах, и в каждом случае подведены различия из похожих списков¹⁰. Сопоставить все эти тексты между собой, сравнить их показания со сведениями византийских и латинских источников, найти ошибки, выстроить эти ошибки по иерархии и, наконец, воссоздать первоначальный вид летописного текста — вот в чем заключалась цель «малой критики».

Этот «очищенный» текст был бы, однако, бесполезен без правильного его истолкования с точки зрения грамматики и истории. Следующим этапом работы, по Шлецеру, было, разъяснение неясных мест и возможно более полный научный комментарий. В связи с этим весь труд был построен особым, необычным для русского читателя образом. Публиковался отрывок текста по сегментам от трех до пятнадцати строк. В конце каждого сегмента приводился соответствующий отрывок «очищенного Нестора». Затем шли комментарии, во много раз превосходившие сам текст по объему.

Следуя этому принципу, Шлецер успел разобрать период от начала русской истории до 980 года, то есть до смерти киевского князя Ярополка Святославича. Отметим, что он не дошел даже до крещения Руси, и к этому моменту мы еще вернемся.

И только по завершении такой работы можно было, по мнению ученого, ставить вопрос о том, правильно или неверно то или иное суждение Нестора, то есть собственно вопрос о достоверности, который Шлецер именовал «высшей критикой», но до ответа на который сам не дошел.

Труд Шлецера явился, безусловно, вершинным достижением науки XVIII в. в изучении летописей и произвел сильное впечатление на некоторых русских историков¹¹. Однако в России продолжателей он не нашел. Ученые, обращавшиеся здесь к летописям, не имели, как правило, надлежащей филологической подготовки, не владели навыками сравнительно-

⁹ Шлецер А.-Л. Нестор... С. XI.

¹⁰ Там же. С. IX–X.

¹¹ См.: Каченовский М. Т. О трудах Шлецера и Туниманна для русской истории // Цветник. Ч. VIII. № 10. 1810. С. 131–138; Соловьев С. М. Шлецер и антиисторическое направление // Русский вестник. 1857. Т. 8. Апрель. Кн. 2. С. 431–480.

го анализа древних текстов. Историческая наука в России в целом еще не вышла в начале XIX в. за рамки общих курсов и многотомных трудов, стремящихся охватить всю русскую историю.

Между тем подход, провозглашенный Шлецером, требовал углубленной специализации. Поэтому его труд остался стоять особняком на фоне работ, вышедших в это время в России, в которых яростно обсуждался вопрос о «достоверности» летописных известий вне зависимости от истории текстов.

Иначе обстояло дело в кругу немецких и чешских славистов периода «чешского возрождения». И, прежде всего, речь должна идти об одном из главных чешских «будителей», великом слависте Й. Добровском.

То, что Добровский обратил внимание на русские летописи, кажется первоначально редкой удачей для предмета его исследования. Ведь эта тема появилась у Добровского как бы вскользь и не занимала его постоянно, как, например, вопросы славянской филологии и лингвистики. Но потом становится ясным, что Добровский привлекал к исследованию практически все славянские тексты, которые он только мог добыть: в своих неустанных трудах он забрасывал, образно выражаясь, огромную сеть, а уже потом сортировал выловленное, и почти всему находил применение. В этом смысле его можно сравнить только с А. А. Шахматовым, который так же работал через сто лет после Добровского. И в сети Добровского просто не мог не попасть «Нестор», особенно после появления работ Шлецера и после поездки самого Добровского в Россию.

Добровского и Шлецера в работе над русскими летописями, казалось бы, объединяло многое. Они оба были лингвистами, оба изучали критику Священного Писания, оба знали древние языки, оба преклонялись перед трудами в этой области знаменитого геттингенского текстолога Михаэлиса. Шлецер вообще был учеником последнего и сам писал о том, что был приглашен в Россию сразу, «как только вышел из Гесснера классико-филологического и Михаэлисова библико-екзегетического училища» в 1761 году¹².

Но и Добровский сотрудничал с Михаэлисом. Еще в начале своей научной карьеры в 1770-х годах он поставлял в Геттинген пособия для Восточной библиотеки Михаэлиса¹³.

Любопытно, что в России Шлецером и Добровским интересовалась одна и та же группа славистов. Альманахи Добровского «Славини» и «Славянка» обсуждались на заседаниях «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», председателем которого был тот самый Д. И. Языков, который в это же время переводил для русского читателя «Нестора» Шлецера¹⁴.

Личное знакомство Добровского со Шлецером состоялось в 1792 году, когда он заехал в Геттинген по пути в Швецию, откуда потом отправился в Россию. Тогда же в Йене он познакомился с профессором Грисбахом, для которого согласился собирать в России славянские рукописи для издания Нового Завета. О Шлецере Добровский неоднократно и положительно высказывался в переписке со своими многочисленными корреспондентами. В посланиях своему другу и коллеге К.-Г. Антону, например, он в письме 1789 г. именует Шлецера своим учителем, научившим его «искусству критически заниматься историей», критическому взгляду на тексты, пишет о том, что «читит» его и о своей радости, заключающейся в том, что его собственные исследования почти никогда не опровергали шлецерские. На это

¹² Шлецер А.-Л. Нестор... С. РМИ.

¹³ Палецкий Ф. Биография Иосифа Добровского / Пер. с немецкого А. Царского М., 1838.

¹⁴ Iposti G. Aleksandr Christoforovič Vostokov. Dalla pratica poetica agli studi metrico-filologici. Bologna, 2007. S. 29, 45.

К.-Г. Антон отвечал, что Шлецер является и его «учителем и другом»¹⁵. Отметим, правда, что эта характеристика относится ко времени до личного знакомства Добровского со Шлецером и до посещения им России и более близкого знакомства с русскими текстами.

Почти двадцать лет спустя Добровский изложил свое собственное видение истории русского летописания. Причем, от Шлецера в своем подходе к этому вопросу, в самом методе исследования, он практически никак не отталкивался. Добровский привлек к исследованию более десяти списков русских летописей. Давно обсуждается вопрос, на основании каких материалов Добровский проводил сличение. Во время своего пребывания в России он имел возможность знакомиться со списками русских летописей, хранящихся в книгохранилищах Петербурга и Москвы. В отмеченной статье он сам упоминает хранящиеся в Библиотеке Петербургской Академии наук Патриаршую, Воскресенскую, Софийскую, Новгородскую, Алаторскую (список с Воскресенской), Радзивилловскую летописи и характеризует также три летописи из собрания Г. А. Полетики (последние он определил как поздний извод — как украинские летописи).

Он упоминает также Ипатьевскую летопись. Можно было бы предположить, что он тут воспользовался лишь трудом Шлецера, которому эта летопись была известна. Но в заметках Добровского к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, хранящихся в архиве в Праге, как обнаружила Г. Н. Моисеева, есть упоминание о том, что он видел Ипатьевский список в Петербурге.

В Москве Добровский работал с Синодальным собранием рукописей, в библиотеке Синодальной типографии, в библиотеке Архива Коллегии иностранных дел и в библиотеке Воскресенского Ново-Иерусалимского, Чудова и Троице-Сергиева монастырей, а также ознакомился с частными собраниями. Из летописей, обнаруженных им, он упоминал впоследствии Троицкую (в статье 1806 г. в журнале «Славин»), хотя в предисловии к работе Мюллера, он не включил Троицкую летопись в число текстов, которые подверглись сравнению.

Г. Н. Моисеева изучила выписки Добровского, сделанные в России и хранящиеся сейчас в Библиотеке Национального музея в Праге¹⁶. В этих выписках содержатся, между прочим, характеристики перечисленных летописей, сделанные в значительной степени по материалам их описаний, существовавших на тот момент (это также определила Г. Н. Моисеева)¹⁷.

Добровский пробыл в Петербурге с 17 августа по 17 октября 1792 года, а в Москве — с 25 октября по 7 января 1793 года. Г. Н. Моисеева предположила, что он делал для себя еще какие-то выписки, которые не сохранились, но о которых можно судить по его опубликованным материалам¹⁸. В подтверждение она приводит работу Добровского «Über die Altslavonische Sprache nach Nestor, mit Anmerkungen von J. D.», опубликованную в 1806 г. в журнале «Славин», где рассматривались вопросы истории славянского языка.

О множестве записных книжек Добровского, а также отдельных листков с записями его «русского путешествия» пишет в своей недавней книге Э. Кинан¹⁹. Он также полагает, что

¹⁵ Krbec M., Michálková V. Der Briefwechsel zwischen Josef Dobrovsky und Karl Gottlob von Anton. Berlin, 1959. См. письма № 4 и № 5. S. 20–22 и далее.

¹⁶ Моисеева Г. Н., Крбец М. М. Йозеф Добровский и Россия. Л., 1990.

¹⁷ В письме к своему другу и корреспонденту В. Ф. Дуриху он писал, что с трудом всрит в существование какой-либо славянской книги, «которую я не отметил бы из каталогов». См.: Моисеева Г. Н., Крбец М. М. Йозеф Добровский... С. 143.

¹⁸ Там же. С. 47.

¹⁹ См. обзор работ, посвященных изучению этих материалов: Keenan E. Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor' Tale. Cambridge, MA, 2003. P. 105.

Добровский использовал их как рабочий материал всю оставшуюся жизнь, и поэтому они сохранились в составе Национального музея.

Но для сплошного сличения летописных текстов, беглого просмотра и отдельных замечаний было бы недостаточно. Добровскому нужно было копировать и сличать в России большие по объему тексты летописей, что по краткости его пребывания там предположить просто невозможно. Правда, известно, что он обладал незаурядной памятью, позволяющей ему держать в голове особенности большого количества текстов, и что он, например, знал почти целиком на память Священное Писание на греческом, латинском, еврейском и старославянском языках.

Но важно понять, что изучение летописей не являлось специальной целью Добровского в России, что он видел их среди прочих славянских рукописей, и тут они составляли не очень значительную часть. Поэтому мы полагаем, что важным материалом для сравнения были также опубликованные тексты летописей и комментарии Шлецера, который работал со списками летописей в России гораздо дольше, чем Добровский, а наблюдения, сделанные над списками самим Добровским в России — играли вспомогательную роль. Г. Н. Моисеевой сделано, например, наблюдение, что это Шлецер имел контакты с Г. А. Полетикой и мог видеть летописи, находившиеся в принадлежавшей ему библиотеке. Эта библиотека сгорела в 1771 году, то есть за много лет до приезда Добровского в Россию. И значит, характеристики списков Полетики Добровский мог взять только из труда Шлецера. Известно, между прочим, что в России Добровский накопил так много книг, что был вынужден из-за этого в 1793 г. сократить свое путешествие, отказаться от поездки в Киев и возвращаться в Прагу более кратким путем через Варшаву²⁰.

Известно, что почти сразу по возвращении из России Добровский тяжело заболел, и что приступы душевной болезни мучили его и впоследствии. Именно поэтому, вероятно, к изучению русских летописей он обратился намного позднее и не занимался этим вопросом как долговременной темой. Как уже было упомянуто, одним из толчков было написание статьи для своего знаменитого альманаха «Славин» в 1806 году.

Но настоящим поводом к тому, чтобы обратиться после многих лет вновь к материалам русских летописей и, вероятно, суммировать свои прежние наблюдения, стала книга ученика Добровского Й. Мюллера. Последний рассматривал свою работу, посвященную древнейшему периоду русской истории, как продолжение труда Шлецера²¹. Добровский снабдил ее специальным предисловием, на которое впервые обратил внимание А. Е. Пресняков²², отметивший, что в научном плане Добровский в этой работе был уже близок к тому подходу, который впоследствии стал разрабатывать А. А. Шахматов.

Это предисловие Добровского к книге Й. Мюллера не так широко известно, как его более знаменитые комментарии к «Нестору» Шлецера (знаменитые в России, в силу опубликования их перевода в приложении к русскому изданию «Нестора»). Между тем не в комментариях к «Нестору», а именно в данном предисловии Добровский изложил основные принципы сравнительного метода в изучении летописей.

Однако уже в комментариях к «Нестору» Шлецера Добровский сделал важные «поправки и прибавки»²³. Так, он изложил свой принцип отбора списков, разделенных на восемь редак-

²⁰ Палецкий Ф. Биография Иосифа Добровского... С. 25–26.

²¹ Müller J. Atrussische Geschichte nach Nestor: Mit Rücksicht auf Schlozers Russische Annalen, die hier berichtigt, erganzi und verm werden. Berlin, 1812.

²² Пресняков А. Е. А. А. Шахматов в изучении русских летописей // ИОРЯС. Т. 25. Пг., 1926. С. 164.

²³ Шлецер А. -Л. Нестор... С. 679–686.

ций а также определил, что за древнейшие следует принять списки редакции Б (Ипатьевский, Радзивилловский и «список Полетики»). Добровский признает, что «простым только случаем, без всякого выбора» ему попались в руки около 10 списков, и что он «брал, что находил».

Обратимся теперь подробнее к предисловию Добровского, помещенному в книге Мюллера. Как отмечал А. Е. Пресняков, «знаменитый аббат Добровский предлагал... путь изучения летописных сводов, путь, который вел бы от позднейших памятников назад, к более древним»²⁴. А. Е. Пресняков неизменно упоминал Добровского как предтечу Шахматова. «Смелый план» изучения русских летописей последнего повлиял, как считает С. В. Чирков²⁵, на методы работы самого А. Е. Преснякова.

Добровский обратился к полным текстам русских летописей, а не только к тексту «Нестора». Он сопоставил их друг с другом и разделил на редакции, получившие буквенные обозначения. И если Шлецер из всех известных ему списков выбирал «лучшие чтения» того или иного места, то Добровский был первым, кто стал оценивать списки летописей в целом как лучшие и худшие и рассматривать отдельные чтения в зависимости от оценки списка, в котором они читаются²⁶.

Добровский, в отличие от Шлецера, не проводил сплошной сверки текстов. Он отмечал, что при такой их численности, о которой идет речь, следует проводить сверку выборочно. На всю работу, по собственному признанию, у него ушло около шести недель. Конечно, это был лишь опыт, занявший в научном наследии самого Добровского скромное место. Но для истории изучения летописания этот опыт, как нам представляется, очень важен.

Первым этапом было выделение ранних и поздних списков. Затем начиналась «радость сравнения»²⁷. Добровскому было ясно, что ни один список не датируется временем раньше XIV века. Он разделил их все на четыре редакции: ABC (Никоновский и Патриарший списки), ABD (Воскресенский и Алаторский), AC и украинская редакция (Радзивилловский, Ипатьевский, список Полетики), белорусская редакция AD.

Списки, принадлежащие к разным редакциям, сравнивались по определенным параллелям: списки ABC со списками ABD, Никоновский список со списком Полетики, Воскресенский с Софийским, Воскресенский с Радзивилловским и Архангелогородским, Радзивилловский с Ипатьевским. В результате был выделен общий текст, неизменный в редакциях ABC и ABD («*der gemeinschaftliche Text*»), обозначенный AB. Сравнение AB с AC и AD определило большую древность AB. В качестве критериев выступали совокупность «лучших чтений», а также особенности стиля и языка.

Однако цель Добровского заключалась не просто в том, чтобы определить древнюю редакцию XIV века, а в том, чтобы после этого выделить текст начала XIII века, доходящий до 1203 года. Этим временем он датировал «Софийский временник», опираясь, подобно тому, как это позднее делал А. А. Шахматов, на упоминание во введении к нему имен византийских императоров Алексея и Исаака). Это текст AA. Добровский считал возможным, что

²⁴ Чирков С. В. Работа А. Е. Преснякова по историографии русского летописания // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 427.

²⁵ Чирков С. В. А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков (По материалам архива А. Е. Преснякова) // Изв. Т. 88. М., 1971. С. 385.

²⁶ На это отличие Й. Добровского от А.-Л. Шлецера уже указывал Д. С. Лихачев. См.: Лихачев Д. С. Текстология. Л., 1983. С. 10.

²⁷ Dobrowsky I. Wie soll Nestors Chronik aus so mancherlei Recensionen des Textes, die in Handschriften zu finden sind, rein hergestellt werden // Müller I. Altrussische Geschichte... S. 32.

на этом этапе в летопись попали договоры с греками, так как неочевидно, что они были вставлены Нестором. Более древним по отношению к тексту *АА* ученый считал собственно текст Нестора, или текст *А* («das *Urtext*» = протограф). Он доходил до 1110 года, но известен нам лишь в обработке Сильвестра 1116 года.

Работа Добровского была им выполнена по известным европейским филологам образцам сравнения библейских текстов. Процедура была настолько знакомой, что он заранее знал, сколько потребуется на нее времени. С точки зрения формального анализа Добровский стоит в этом исследовании уже практически на тех же позициях, на которых стоял и А. А. Шахматов, начиная заниматься летописями. Недаром А. Е. Пресняков отмечал, что о Добровском «невольно вспоминаешь по поводу трудов А. А. Шахматова»²⁸.

Остается лишь задаться вопросом, была ли эта работа известна А. А. Шахматову. Сам А. Е. Пресняков полагал, хотя и не категорично, что нет²⁹. Это заявление, звучащее в статье А. Е. Преснякова неоднократно, кажется тем не менее странным, поскольку сам же ученый, судя по его переписке, в 1900-е годы обсуждал с Шахматовым вопрос о Добровском и его «плане» исследования русских летописей³⁰.

Данная работа Добровского не получила надлежащей оценки у современников, особенно русских, в отличие от других его трудов. И у него, как и у Шлецера, в русской науке не оказалось продолжателей. По существу, следующим исследователем, работавшим в том же направлении, был уже А. А. Шахматов.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что и Шлецер, и Добровский подходили к летописанию как филологи, применяя методы, разработанные, главным образом, в классической филологии. В России второй половины XVIII в. и до появления работ А. А. Шахматова в конце XIX в. эти методы еще не были распространены и, главное, не применялись в отношении летописных текстов.

Таким образом, можно констатировать, что Йозеф Добровский был первым исследователем, предложившим метод сравнительного изучения (именно изучения, а не издания «очищенного» текста, как Шлецер) русских летописных текстов, предпринявшим впервые опыт сличения большинства известных науке его времени списков и выстроившим схему их восхождения к системе гипотетических протографов.

Шлецер и Добровский, несмотря на отмеченную выше близость, являются во многом противоположными фигурами в отношении русских летописей. В предисловии Й. Мюллера к своему труду (который, как мы помним, сопровождался введением Добровского) чувствуется, что это — две разные школы. Мюллер, по сути, видел себя вовсе не простым продолжателем Шлецера. Скорее он считал себя его преобразователем. Мюллер переработал труд Шлецера в правильное, на его взгляд, пригодное для пользования сочинение. Его собственный труд, по мнению автора, будет равно полезен и ученому-гуманитарию и дилетанту, и экономит им «время и деньги» от чтения труда Шлецера. Несколько ироничное отношение к последнему здесь уже явно ощущается.

И Шлецеру как бы противопоставляется Добровский, учитель Мюллера, предисловие, а также комментарии которого, «особенно не признанные русской Академией», будут полезны славянским и немецким исследователям³¹.

²⁸ Чирков С. В. Работа А. Е. Преснякова ... С. 427.

²⁹ Пресняков А. Е. А. А. Шахматов... С. 164.

³⁰ Чирков С. В. А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков... С. 389.

³¹ Muller I. Altrussische Geschichte nach Nestor. S. IV–VI.

И такую же иронию в отношении к старшему коллеге (Шлецеру) мы видим в переписке Добровского поздних лет, например, в письмах Г.-С. Бандтке, профессору во Вроцлаве (тогда — Бреслау)³². Если в переписке с Антоном в конце 1780-х он «чтил» Шлецера, то спустя годы уже критикует его и никак не возражает на весьма едкие замечания в его адрес своего польского корреспондента. Так, в письме от 8 октября 1824 г. Добровский пишет о своей рецензии на перевод хроники Кадлубека³³ в таких словах: «Как бы шумел и буйствовал Шлецер, если бы сумел прочесть такие обвинения (справедливые или нет) в свой адрес»³⁴.

О чем здесь идет речь? Добровский называет в этом письме «пустомелей», склонным к «бахвальству» не кого иного, как Кадлубека, польского средневекового хрониста, высоко чтимого просвещенными, но патристически настроенными современниками Добровского, такими, как Иоахим Лелевель и Йозеф Оссолинский. По мысли Добровского, у Кадлубека слишком много «басен» и народных сказаний, данных в угоду полякам, например, выставяющих поляков уже в древности более известными, чем они были на самом деле.

Здесь видно, и это-то нам особенно важно, отношение Добровского — настоящего ученого книжника — к устной традиции. Шлецер упомянут в данном контексте потому, что он, по мнению Добровского, слишком доверял народным, то есть, устным легендам. Самому Добровскому, как он пишет здесь же, были бы интересны тексты Козьмы Пражского и Мартина Галла, как современников Нестора — книжников и хронистов.

Откуда возник этот тон в отношении Шлецера? Ироничная критика Шлецера встречается в эпистолярном наследии чешского ученого еще в 1810–1811 годах. Добровский в письме от 5 июня 1810 г. писал, что Шлецер был ему благодарен за некоторые уточнения, ему отосланные. Затем славист сообщил Г.-С. Бандтке некоторые критические замечания о пятой части шлецеровского «Нестора», за год до того появившейся в печати. Так, славянская мифология, «языческая теология» получается «совершенно индийской», а описанный обряд сожжения женщин — «фракийским обычаем». Баба-Яга тоже — загадка. Но если бы, по словам Добровского, мы могли спросить обо всем этом какого-нибудь языческого жреца, он бы, возможно, также не сказал об этом ничего более определенного. И далее приводятся сомнения в некоторых приводимых Шлецером фактах славянского прошлого³⁵.

Бандтке в письме Добровскому обратил внимание на то, что Шлецер поместил в своем «Несторе» написанную геттингенским советником юстиции Гейне рецензию на свою раннюю работу о русских летописях³⁶. Это, по мнению Г.-С. Бандтке, выглядело как «сатира на самого себя». Гейне и Шлецер, как пишет далее Г.-С. Бандтке, излагают «мечты о греческой культуре в России, не прошедшей через Средневековье» (буквально: «без прохождения через Средневековье»). По их представлениям, Россия должна быть счастливее других народов тем, что не должна была, как другие нации Европы, «из-за своих ошибок и заблуждений... пробиваться через Средние века и все же в конце вернуться со всей культурой туда, откуда они вышли».

³² Korrespondence Josefa Dobrovského. Díl. II. Vzájemné dopisy Josefa Dobrovského a Jirího Samuele Bandtkeho z let 1810–1827. K vydání upravil V. A. Francev. V Praze, 1906.

³³ Jahrbücher der Literatur. 1824. Bd XXVII. S. 254–284.

³⁴ Korrespondence Josefa Dobrovského... S. 154.

³⁵ Ibid. S. 10.

³⁶ Der Hm. Geheimen Justiz Paths Heyne in Goettingen

Г.-С. Бандтке комментирует это следующим образом:

«Природа никому не мачеха, и хотя судьба всем славянским народам предоставила не лучший жребий, но все-таки это не самое плохое. Они остаются незатронутыми как некоторым вздором, так и некоторыми преимуществами. Но все проходит и должно идти своим чередом».

Таким образом, Г.-С. Бандтке упрекал Шлецера и Гейне в том, что они предполагали какую-то особую судьбу России, заключающуюся в том, что в ее истории оказалось выпавшим Средневековье, что она шла не общим путем. Главная претензия, однако, заключается не только в этом. Бандтке далее ехидно пишет о том, что сам он «тоже провел несколько лет в Петербурге (*т. е. как Шлецер. — В. В.*) и бегло знает русский язык, но не взялся бы, однако, судить на немецкий манер обо всей России, а может только сказать, что Шлецер и Гейне «прекрасные мечты своих добрых сердец и свои идеалы черпают не из природы вещей (не из фактов)»³⁷.

Последнее замечание весьма ехидно, так как исходит от человека, принадлежащего к той среде, где эмоции и порывы «добрых сердец» вместо научных доказательств и логики («природы вещей») воспринимались как курьез. О Шлещере добавлено еще то, что «у правдолюбивого Шлецера русские анналы стали в конце концов хроникой», и это «очень радует» Г.-С. Бандтке, так как «это прекрасный пример его любви к правде». Судя по всему, подтекст последнего высказывания в том, что Шлецер «дотягивает» русские летописи до уровня средневековых европейских хроник, каковыми они, на самом деле, не являлись.

Добровский относился к таким явлениям в науке так же, если не жестче, чем Г.-С. Бандтке (хотя писал не столь ядовито). Об этом еще будет сказано ниже. Отзыв Бандтке о Шлещере не вызвал его возмущения. Наоборот, в ответном письме он написал Г.-С. Бандтке, что вполне согласен с тем, что тот написал о Шлещере и Гейне, добавляя, что Шлецер «даже рекомендовал одну ему понравившуюся легенду достойной внимания только лишь потому, что она русская, как будто бы русская басня лучше латинской»³⁸.

Нам представляется, однако, что смысл ироничных фраз, которыми перебарщиваются Добровский и Г.-С. Бандтке по поводу Шлецера, на самом деле глубок. Под *средневековьем* в письме Бандтке, которого лишает Россию Шлецер, следует в данном случае понимать *христианство*, христианскую книжную культуру, которую, по мнению Г.-С. Бандтке и Добровского, не учитывает Шлецер. Тогда под той *греческой культурой*, которой восхищается Шлецер (а также если вспомнить позднейшее письмо 1824 года — Лелевель, Оссолинский и др.) следует понимать языческие древности, романтизация которых, как и любование брутальностью ранней, дохристианской истории славянства (ее германизацией) являлось, несомненно, одним из оснований современного Добровскому славянского национализма. Все это было в моде среди значительной части славистов — современников Добровского, но категорически не принималось им самим.

Обстоятельства биографии Добровского, а также некоторые замечания в адрес Шлецера, помещенные в труде Й. Милера, позволяют, как кажется, раскрыть их расхождения еще больше. Шлецер высоко ценил «Нестора» как первоклассный источник. «Повествование его о происхождении Русской державы можно в настоящем смысле назвать всеобщим»³⁹, —

³⁷ Korrespondence Josefa Dobrovskeho... S. 13–14.

³⁸ Ibid. S. 22.

³⁹ Шлецер А.-Л. Нестор... С. 25.

писал он в предисловии к «Нестору». В другом месте Шлецер называл его «первым, древнейшим, единственным, по крайней мере, главным источником» для всей славянской истории⁴⁰. Он лишь сожалел, что такой замечательный текст остался неисследованным в России.

Даже его собственная первая работа о «Несторе», которая, по мнению Шлецера принесла пользу для европейских наук, в России «осталась совершенно без действия». Причиной было то, что русские ученые, как уже было отмечено выше, по мнению Шлецера, еще мало знакомы с «ученою критикою». Но было и другое обстоятельство. Шлецер считал, что для внедрения этой «ученой критики» в России еще следует отыскивать многие новые правила. И объясняется это особенностью русских текстов, особенно летописей. Он писал, что:

«... и величайшие люди, посевшие над классической и библейскою критикою, в западной и восточной истории среднего века, как-то Гейне, Грисбах, Михаэлис, Семлер, Грулен и пр. будут здесь, как будто в новой земле».

Хотя подобные европейские светила текстологии смогли бы в десять лет исследовать русские летописи более, чем это было сделано за целое столетие⁴¹.

Добровский был, в отличие от Шлецера, ученым католической школы, более того, он был иезуитом. Ему было чуждо трепетание перед «преданиями», особенно языческими, особенно не подтвержденными документально. Он даже вступил в конфликт с молодым поколением чешских славистов, в том числе со своими учениками, так как подозревал подложность некоторых памятников «седой древности», которые те почитали подлинными. О нем неоднократно писали как о холодном аналитическом уме, которому было совершенно чуждо всякое поэтическое чувство⁴². Так, например, по свидетельству одного из современников, он недоумевал, чем можно восторгаться в народных сербских песнях: «Не знаю, что они находят в этих песнях?.. Ведь это самые площадные песни! Совсем другое, русские песни. Они все-таки имеют еще в окончании третьего лица единственного числа старое *тъ*»⁴³.

Добровский не разделял мнения о славном языческом прошлом славян, считая их до крещения дикими и примитивными народами, в связи с чем отрицал и «Дунайскую теорию», изложенную в «Повести временных лет». Он был скорее склонен полагать, вслед за византийскими авторами, которых почитал несравненно выше, чем русские летописи, что славяне перекочевали в Европу после нашествия гуннов из Азии (с устья Волги). В связи с этим он отрицал тождество *венедов* Плиния и *венедов* Иордана, отказывая славянам вообще в какой-либо древности в Европе. В «Русской Правде» он видел только готско-германскую основу.

Приводившая в восторг Шлецера дохристианская древность «Нестора» не внушала Добровскому уважения, оставляла его равнодушным и вызывала иронию. В сравнении с византийскими авторами Нестор казался ему «жалким писакой». И Добровский восклицал: «Как может переварить такие глупости тот, кто хоть несколько лет учился истории у византийцев?»⁴⁴.

Однако были не правы те из современников Добровского, которые обвиняли его в сознательном разрушении славянского прошлого и объясняли это немецким происхождением

⁴⁰ Там же. С. 425.

⁴¹ Там же. С. XVI.

⁴² Все это высказывалось еще в биографиях Добровского, написанных в XIX веке. См., например: Иосиф Добровский в новейшей характеристике В. Брануля / Пер. с чешского М. Попруженко. Воронеж, 1887.

⁴³ Из письма Челябинского к Камориту. Цит. по: Там же. С. 6–7.

⁴⁴ Там же. С. 8.

автора. Просто Добровскому, очевидно, были глубоко чужды эмоции в такой чисто логической сфере, как наука о древностях. Все частные замечания о русских летописях были связаны его общим представлением о том, что не только славяне, но и все народы центральной и северной Европы до принятия христианства были дикарями. А ведь «Нестор» Шлецера даже не был доведен до крещения Руси. И, кстати, не случайно, что Й. Мюллер как раз продлил свое исследование до этого момента и специально оговорил это обстоятельство в собственном предисловии к своему труду. Как ученик Добровского, он просто не мог поступить иначе.

Работа выполнена в рамках проекта «Россия и Западная Европа: взаимовлияние культур, контакты и посредники» при поддержке РФНФ (конкурс российско-французских совместных проектов Российского гуманитарного научного фонда и Национального центра научных исследований Франции 2007 г.)